

5 11120300 73

ORANGE

Маевка

Шаблевка, Екатериновка, Сальская степь... Эти названия услышал я однажды в тиши архива фонодокументов. Положил на металлический кружок магнитофона старую-престарую запись, и голос в динамике сказал торжественно и громко:

— Первомай в Сальской степи! У борозды празднуют ударники Сальского района первую маевку второй пятилетки!..

Если вы поставите первую звуковую страницу на диск своего проигрывателя, то услышите этот голос и, наверное, тоже ощутите неизъяснимое чувство сопричастности минувшему — чувство, которое приходит к каждому из нас, когда мы берем в руки тронутую желтизной фотографию, хрупкую страницу давнего номера газеты или смотрим хроникальный фильм.

Сорок лет назад побывала в Сальских степях бригада журналистов Московского радио и записала, или, как тогда говорили, «сняла радиofilmу» про коммуну «Путь Ильича» и колхоз имени Буденного. И живет на пленке первомайский праздник весны тридцать третьего года.

...Поздно ночью в поезде, что идет от Ростова в Цимлянскую, читаю имена пролетающих мимо окон городов и поселков, и вся многотрудная биография степи снова перед глазами: Атаман, Пролетарская, Зерноград, Целина, Гигант...

«Зерноград», «Гигант» — это же славному слову «пятилетка» ровесники и побратимы.

Продолжение
на стр. 9.

Елена Кузьмина, народная артистка РСФСР, работает сейчас над книгой с названием «Пишу, как умею, о том, что помню». Это дневниковые записи и рассказы о фильмах, которые вошли в историю советского кинематографа и в которых Кузьмина играла: «Новый Вавилон», «Одна», «Окраина», «У самого синего моря», «Тринадцать», «Мечта», «Секретная миссия».

Выбранные нами страницы рассказывают о двух кинолентах. Одна из них — «Секретная миссия» — недавно вновь появилась в прокате, другую многие из нас уже не видели: картина «Одна» снималась в то далекое время, когда кино только еще пыталось заговорить.

О том, как это происходило, Елена Кузьмина рассказывает на четвертой звуковой странице журнала.

Съемка со стрельбой настоящими пулями! Интересно!.. Я вошла в павильон. Пустой, колоссальный, освещенный парой контрольных ламп, болтающихся под потолком.

Посредине стоял экран рир-проекции для комбинированных съемок. Перед ним находился кое-как сколоченный деревянный помост, из которого торчали в обе стороны довольно толстые бревна.

На помосте был установлен жалкий перед «копель-адмирала», машины, в которой я провела почти всю картину «Секретная миссия». Нос, ветровое переднее стекло,

Елена КУЗЬМИНА,
народная артистка РСФСР

4

две передние двери, руль, сиденье — и все. Перед носом машины, чуть ниже помоста, на полу стоял наготове съемочный аппарат, на который была навалена груда подушек и одеял.

Маячивший где-то в глубине павильона дежурный пожарник подошел ближе:

— Это вы будете тут стрелять?

— Не я буду, а в меня будут.

Пожарник посмотрел на меня жалостливыми глазами, покачал головой:

— Тут без тебя в режиссера стреляли. Всю морду изодрали... Заклеиваться пошел. Стекло ведь...

И правда, весь пол вокруг помоста был усеян мелкими осколками поблескивающего стекла.

— А знаешь, вся охрана труда домой сбежала. Отвечать за тебя не хочет.

Это я знала. Охрана труда запретила снимать выстрелы. Взяла об этом подписку с режиссера и удалилась домой раньше времени. Она знала характер творческих работников, понимала, что стрелять все равно будут. А раз запрет есть, а их никого нет на студии, то за все последствия отвечает вся съемочная группа во главе с режиссером.

В это время в павильон вошли операторы, помощники и весь в мелких наклейках из пластыря Михаил Ромн. Я на него уставилась с удивлением.

№ 113 (304) ПЯТНИЦА 30 АПРЕЛЯ 1933 г.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМПЬЮТЕРНЫЙ ЦЕНТР

ИЗВЕСТИЯ

№ 113 (304) ПЯТНИЦА 30 АПРЕЛЯ 1933 г.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕРВОГО МАЯ ПЕРЕНОСИТСЯ В БОРОЗДУ

(От собственного корреспондента «Известий»)

ШАБЛЕВКА (С. Канкал), 29 апреля. (По телеграфу). Решением райкома партии, ряда и политотдела МТС в Сальском районе (Сев. Кавказ) празднование 1 мая переносится из города в борозду — в становившие лучшей пашенной бригады, олицетворяющей все колхозных и пролазных культур в 30 апреля. Под этим дозвоним происходит

ства (за 12 км от города Сальска) отберутся несколько тысяч демонстрантов. Решено провести празднование в течение 3 часов, чтобы не нарушать хода посевных работ.

В день праздника состоится прекращение ударников первой весны второй пятилетки.

Лучшие колхозы в земных работах

Вот она, эта съемка со стрельбой.
Кадр из фильма «Секретная миссия».

КАК НА ВОЙНЕ...

— Ты не волнуйся. Это я просто посидел на твоём месте и попробовал, как это будет. Это совершенно не страшно и безопасно...

— Я это вижу...

— Ах, это... — И он потрогал наклейки рукой. — Это просто в машине было нормальное стекло. Триплекса у нас мало. Кстати, познакомься... Это лучший в нашем Союзе снайпер, с ним ты можешь быть спокойна.

Я протянула руку художавому человеку:

— Я вполне спокойна. Только у меня дочь растёт...

Все приняли это за остроту, засмеялись, а я пошла в гримерную превращаться в Марту — Марию.

На общих планах сцена погони за Марией Глуховой и стрельба по машине были уже сняты среди пылающих развалин в Калининграде. Взяли водителя, трюкача-гонщика, и он на машине проделывал головокружительные пируэты. Но нужны были крупные планы Марии. Надо, чтоб было видно, как пули пробивают стекло и как Мария реагирует на это, что думает и к какому решению приходит.

Наконец я села на свое съёмочное место.

Мои друзья шутили, что в кино я прошла огонь, воду, а вот медных труб не пришлось. Зато теперь я встретилась с маленькими медными пульками. Снайпер дал мне подержать в руках узкий пистолет и насыпал в ладонь эти тяжеленькие «игрушки». Я спросила:

— А очень близко от головы будут пролетать пули?

— Да, совсем около уха. Так что я вас попрошу направо не наклоняться, а то чем черт не шутит... — ответил мне без юмора стрелок.

«Но чего не сделаешь, когда надо», — как говорил один из наших помощников.

Операторы стали возиться со светом, а Ромн принялся неискренне-оптимистическим тоном объяснять мне, как на экране должна будет выглядеть эта сцена.

Стали репетировать. На экране рир-проекции замелькали кадры горящего Берлина, помост вместе с машиной затрясли, и бедная Маша вертела баранку, не зная, куда податься от преследующих гитлеровцев. Снайпер молчал. Он только принаравливался. Репетиция кончилась, стали готовиться к съёмке.

И вдруг мне стало очень страшно. Группа посмеивалась, но я видела, что все немного нервничают.

Объявили съёмку. Все завертелось, закачалось, я начала свою сцену, как вдруг мне показалось, что за моей спиной выстрелила пушка. Я даже подпрыгнула на сиденье. Но съёмку не остановили. Я продолжала что-то изображать, а снайпер продолжал стрелять.

Ромн крикнул:

— Стоп!.. Чего это тебя заносит налево? Ты так прячешься, что тебя не видно на экране...

Я хотела ему кое-что сказать, но сдержалась и взяла себя в руки.

Начали второй дубль. Я уже не слышала никакого шума, кроме посвистывания пуль около уха. Очень противного посвистывания!

Но я как-то успокоилась и уже видела, как аккуратно ложатся на стекле дырочки от пуль и как от них в разные стороны разбегаются лучики.

Всего сняли шесть дублей. К концу съёмки я так привыкла к выстрелам, что спокойно работала. Свободно двигалась на своём месте, конечно, преимущественно в левую сторону.

Когда после съёмки сложили вместе все стекла, то все дырочки совпали настолько точно, что казалось, будто стреляли сразу в шесть стекол.

Вот это снайпер! Ему пожимали руки. Благодарили его. Но больше всех ему была благодарна я.

Когда ждали материала, чтобы посмотреть его на экране, я увидела, как все волнуется. А вдруг брак и придется все переснимать? Видно, съёмка далась нелегко не только мне. Никому не хотелось видеть, как актриса, обдуваемая вентилятором, опустится на сиденье, словно подстреленная птица.

Материал оказался в порядке, и я была освобождена от того, чтобы ещё раз услышать посвистывание пуль около головы, даже при гениальном снайпере.

Приступить к созданию нового промышленного комплекса общесоюзного значения на базе минеральных ресурсов Курской магнитной аномалии; довести добычу железной руды в этом районе примерно до 40 миллионов тонн.

Из Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971 — 1975 годы

В городе Губкин, возле которого и открыт Лебединский карьер, и не слышал, чтобы кто-то говорил: «Курская магнитная аномалия». В Губкине говорят коротко и просто: КМА.

Два века назад академик П. Иноходцев заинтересовался смущенными магнитной стрелкой в этих местах и высказал предположение: земли тут железную руду, много руды...

Люди, работающие на КМА, ведут отчет ее истории от 1922 года. В тот год Владимир Ильич Ленин трижды обращал внимание на КМА. В одном из его писем содержится слово, вставившее затем в газетные заголовки, лозунги и плакаты: «Дело это надо вести *с рывком* энергично».

Что такое КМА сегодня? Это крупнейшее на планете месторождение богатых железом руд, связавшее собой добрый десяток областей России и Украины. Четыре гигантских рудника КМА снабжают «хлебом» металлургию Новолипецка, Тулы, Магнитки, Урала. Готовится отыскать 40-летне та первая шахта под городом Губкином, которая была заложена по инициативе академика И. Губкина, — с нее и началось промышленное освоение залежей КМА. Это месторождение станет крупной сырьевой базой Европы: страны — участницы СЭВ предполагают построить здесь металлургический комбинат. Пока же КМА подлым ходом работает на девятую пятилетку.

ПЯТИЛЕТКА ГОДЫ И МИНУТЫ

ПРИТЯЖЕНИЕ

Дрогнула земля,
занемалась от склона к склону эхо.
Взрыв!

И, когда расплылись,
осели сизые шары пыли
и через селектор был дан «отбой»
по всем участкам,
перед глазами открылся
Лебединский карьер...
Фото Л. Д а з а р е в а

Работает на нее и ветеран КМА Иван Андреевич Черников. Вторая звуковая страница познакомит вас с ним. Он родом из села Лебеди, уступившего затем место и имя рудному карьеру.

С войны Иван Черников вернулся полным кавалером солдатского ордена Славы: с оружием в руках защищал он богатства КМА.

В нашем многочасовом разговоре вспомнил он годы войны, знаменитое Курское сражение, которому в этом году исполняется 30 лет. И внезапно спросил, хитро усмехнувшись:

— Много ли правды в такой байке?.. Курская битва, известно, шла южнее Губкина нынешнего, а мы чуть севернее по-

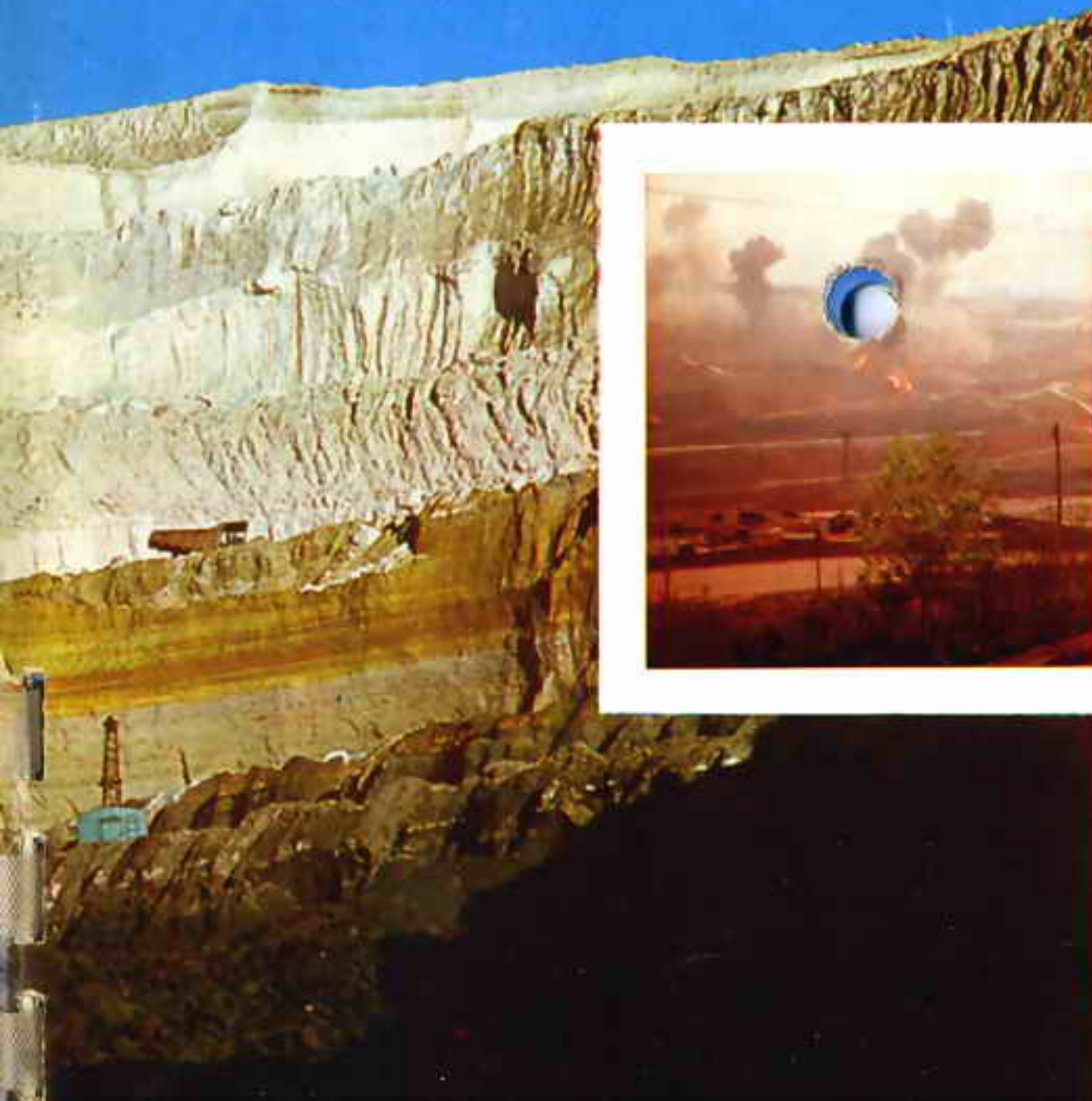
види, и ходил на фронте такой разговор. Гитлер проиграл битву, и потому эта смертельная неудача его постигла, что фашистские наводчики пришли вроде точно брали, но не делали поправки на магнит в руде. А магнит-то и оттягивал снаряды от наших солдат. Может такое быть?

Я понял шутку, но заметил, что, дескать, ученые с этим бы не согласились.

— Верно, — кивнул Черников. — Но мы сражались за свою родную землю, вот она нам и помогала...

Б. ВАХНЮК,
специальный корреспондент «Кругозора»

Белгородская область, г. Губкин

*«Где шли самые жестокие сражения под Белгородом и Курском, там и залегают самые большие рудные богатства», — говорит кадровый рабочий КМА Иван Черников.
Слушайте вторую звуковую страницу.*

Владас ШИМКУС

БАЛЕТ

— Вернитесь!..
Светлые силуэты...
Лебеди, леды...
Так целомудренны, белы
в кипенье мглы...
Машу руками,
скачу, сигаю по мостовой.
Смешная птица, крылатый камень,
пойдем домой...
Опять зима. Сугробов сколько
и льда опять...
Не удержаться — слишком скользко.
Не устоять.
Опять зима.
Лоснится лед, и снег синееет.
И светит ваша белизна
еще сильнее...

КЕЛЬМЕ*

Тумба с вывесками, сады,
гимназические истории...
В памяти протупаешь ты,
как отрывок из «Тома Сойера».
И все так же гонит коров
пастушонок длиннющей веткой
мимо тех же самых дворов
по Торговой и по Советской.

* Районный город на северо-западе Литвы; по-литовски Кельме — женского рода.

И до сумерек на пустырях
гомонят и спорят мальчишки.
И от стенки летит пятак.
И звенят заветные «чкию».
...Что такое?! Десяток лет —
ведь не больше прошло как будто —
ни следа от веснушек нет,
и гудят голоса, что бубны!
Ну и дыму, пылищи вдруг!
Десять лет миновало только,
а они-то — штурман, хирург —
на своих прикатили «Волгах».
Легконогая ребятня,
высоко взлетевшая стая...
Напугали они тебя,
непрославленная, простая...
Но такую, одной из ста,
оставайся. И детям вдоволь
счастья дай, а для живота —
яблок и молока парного.

БЕРЕЗЫ

Так чутка, зависима от фона —
то землиста, то белей белка,
тянется береза в облака,
как ничто на свете, устремленно.
Мне же виделась она бесцветной,
тривиальной.

Жалкий человек,
я ее стыдился целый век,
как стыдятся родственницы бедной.
Не идет перо. Дрожит рука.
А поодаль при любой погоде,
неподвластна времени и моде,
тянется береза в облака.
И куда бы я ни сделал шаг —
вперед, просматриваясь четко,
точно движущаяся решетка,
возникает ровный березняк.
Набирают высоту стволы,
заслоня купола и шпильи.
Дальше — небо.

Что же это вы?
Неужели мстить вы мне решили?

Перевел с литовского Л. Миль

Слушаешь Синявского и всем существом своим ощущаешь лето. Жаркое, спортивное лето. И видишь зеленое, словно бильярдный стол, футбольное поле, хотя сидишь где-нибудь на тихой улочке за тысячу километров от стадиона...

За долгие годы Вадим Синявский нарисовал в нашем сознании собственный звуковой портрет. Популярности этого радиоконментатора мог бы позавидовать самый знаменитый киноактер. Сменялись футбольные поколения, заслуженные мастера катастрофически седали, становились заслуженными тренерами, а Синявский не старел. Его такой знакомый голос, скромный, без актерских модуляций, с привычной хрипотцой, как бы летел сквозь время. И в памяти еще не одного поколения радиослушателей будут жить образы легендарных Федотова и Боброва, Гринина и Башашкина, нарисованные Синявским. Такими и будут жить, какими он увидел их.

Синявскому мы обязаны тем, что до сих пор помним дуэль рослого форварда «Челси» Томми Лаутона с неутомимым Алексеем Хомичем, гол, влетевший в ворота знаменитого «Арсенала», отчаянные рейды Константина Бескова... И все это — Синявский. Его голос звучал со многих стадионов. Но не все знают, что голосом майора Вадима Синявского, специального корреспондента радио, говорили осажденный Севастополь, окопы Сталинграда, Красная площадь в тот памятный день — 7 ноября 1941 года...

Это он, Вадим Синявский, словно добрый волшебник, подарил нам военной осенью 1944 года несколько минут мирной жизни, рассказав о финальном матче на Кубок СССР между футболистами ленинградского «Зенита» и ЦДКА...

Комментатором он стал не сразу. Начал с уроков гимнастики. Первый его урок прозвучал в эфире 16 июля 1929 года в пять тридцать утра. А потом уже, когда на северной трибуне динамовского стадиона в Петровском парке достроили еще один «ряд» — 37-й, комментаторские кабины, начались регулярные репортажи о футбольных матчах.

Теперь уже невозможно подсчитать, сколько спортивных соревнований прокомментировал, сколько часов провел

в эфире Вадим Синявский (к сожалению, многие магнитные записи не сохранились). Но в каждом репортаже Синявский оставался самим собой, в каждом раскрывался заново и был неповторим. Гамлет вряд ли обронил бы пренебрежительно: «Слова, слова, слова!», — услышав хотя бы раз Синявского. Слова его были емки и точны.

Вспомните манеру репортажей Синявского — непринужденную, чуточку ироничную. Его умные радиорассказы не терпели суесловия проходных фраз, всегда были обращены к конкретному собеседнику и становились от этого домашнему близкими.

У него была своя, особая драматургия репортажа. Его умение выбирать главные эпизоды соревнования и строить вокруг них рассказ казалось удивительным. Синявский делал монтаж пластично и упруго, но ненавязчиво. То вдруг возникало перед глазами все поле с лихой футбольной атакой, то внезапно сле-

довал маленький эпизод, незначительная, казалось бы, деталь. Скажем, комментатор отметил, что нападающий поправляет шнуровку бутсов. Будьте уверены, деталь эта еще «выстрелит». Так и есть: «Вот, оказывается, в чем дело было... Привел в порядок обувь — и нате, блестящий гол!»

Отыскивать детали и обыгрывать их Синявский умел как никто. К примеру, я до сих пор помню, что венгерский защитник Кишпетер в матче против сборной СССР играл в полосатых гетрах: «Поставит ногу, и мячу не проскочить. Ну, скажите, чем не шлагбаум!» И помнится это чуть ли не два десятка лет! Из таких вот деталей, словно из мозаичных камешков, складывалась красочная картина матча. И паузу Синявский ставил на службу своим репортажам. Секунда-другая, и представляешь, как он подыскивает необходимое выражение, как говорится, самое-самое...

Кое-кто считал, что с приходом телевидения наступит конец новеллистическим репортажам Синявского. Пытались сравнивать его рассказы с телетрансляцией. Пустое! Синявский не говорил неправды своим слушателям. Он попросту по-своему видел каждое событие, каждое спортивное состязание...

Всему, о чем бы ни рассказывал Вадим Синявский, веришь на слово. А к слову он относился бережно, слову он знал цену.

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент «Кругозора»
Фото Е. Волкова

«У микрофона — Вадим Синявский». На третьей звуковой странице использованы редкие фономатериалы Гасархива звукозаписи СССР, Ростовского радио, личной коллекции заслуженного мастера спорта А. Хомича.

РЕПОРТАЖ ВАДИМ СИНЯВСКИЙ

СПОРТИВНАЯ
ДОБЛЕСТЬ

ИНКОМУСТА

Во всех жанрах

Фото А. Лидова

За свою жизнь я повидал много интересных людей. Один из них — Михаил Ножкин.

Познакомились мы несколько лет назад, начав работать над музыкальной кинокомедией «Шельменко-денщик». Он писал стихи, я, как вы догадываетесь, музыку.

Работалось нам очень легко. Ножкин чувствует, именно чувствует песню. К тому же он из тех людей, кто знает, чего он хочет, что он должен делать.

Ножкин считает себя счастливым человеком, потому что занимается любимым делом. Но творческому счастью сопутствуют настоящие муки, и надо обладать большой волей, талантом и мужеством, чтобы эти муки каждый день одолевать.

Есть у него, я бы сказал, врожденное чувство современности, он просто не может быть вчерашним, а в творчестве это — главное. И еще одно необходимое качество: ему всегда есть о чем писать. Он прошел большую жизненную школу, и главный материал его творчества — сама жизнь, люди. А этот материал неисчерпаем. В одной из его новелл есть такие строчки: «В радости и в беде, в праздности и в труде, свой выбирая путь, будь Человеком, будь!»

Меня радует в нем разносторонность интересов и многогранность способностей. Он был артистом эстрады. Не побоялся оставить сцену, сменил профессию — стал писать. Он пишет стихи и песни, новеллы и баллады, большие эстрадные спектакли и маленькие миниатюры для кукол. Только что закончил либретто оперетты, к которой я пишу музыку, готовит сборник стихов, работает над киносценарием.

Кроме того, Михаил Ножкин — популярный артист кино. Зрители помнят его роли в фильмах «Ошибка резидента», «Каждый вечер в одиннадцать», «Освобождение» и других. Сейчас продолжают съемки тринадцатисерийного телефильма «Хождение по мукам», где Ножкин играет Вадима Рощина.

И все-таки, как он говорит, самое главное для него — писать. В этом находит он основу самовыражения.

Послушайте его песни на звуковой странице, и вы почувствуете непременно, что Михаила Ножкина выгодно отличает свое видение жизни, своя позиция, своя точка зрения.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

На девятой звуковой странице вы услышите в исполнении Михаила Ножкина две его песни: «Я так давно не видел маму» (из кинофильма «Освобождение») и «Сожаление». Аккомпанируют В. Рыськов и Д. Ашкенази.

Стояла затяжная, ленивая какая-то весна. Апрель кончался, а тепла еще не было, береза соку не дала, и на ольхе едва проклюнулись розовые подвески. Но приятели мои уже прикидывали насчет соловьиной охоты.

— К Фильке бы наведаться, — мечтательно говорил один. — Места там сплошь соловьиные.

— Можно и к Фильке, — соглашался другой. — Напев у тамошних соловьев недурен. Правда, тюрдюкают много.

Среди наших общих знакомых я не мог припомнить никакого Фильки и просто душно спросил приятелей: кто же это такой и где он обретается? Приятели рассмеялись: они, оказывается, вели речь о речушке Фильке — одном из многочисленных притоков Москвы-реки.

Ныне этой речушки нет и в помине: ее забрали в трубу и упрятали под землю. По ее прежнему руслу пролегли пути Московского метрополитена, соединившие центр столицы с Кушевом и потянувшиеся дальше, чуть не до Рублева. В долине же Фильки поднялись многоэтажные громады нового жилого массива.

А тогда — лет примерно двадцать назад, когда я впервые услышал о Фильке и почему-то поразился такому ее названию, все здесь выглядело иначе. По берегам речки еще теснились разнокалиберные лачки, существовала деревня Мазилово, существовали Крылатские выселки, было много садов, были обширные огороды, двухметровой высоты достигали заросли крапивы и репейника, там и там пробитые узкими тропинками к воде.

От Кушевского железнодорожного вокзала в долину Фильки круто падала улица Некрасова, над проезжей частью которой почти смыкались кроны мощные дубы и березы, а к обочинам тротуаров жалась металлические стол-

ПРИРОДА И МЫ
Михаил ЗОТОВ

Фото Л. Позарова

В ДОЛИНЕ ФИЛЬКИ

5

маевка

Совхоз «Гигант» и вправду был гигантом — сто тысяч гектаров пахоты, а хозяйство «Зерноград» названо так людьми, которые мечтали, чтобы на неласковой, трудной земле вырос город хлебоборобской державы.

У всей страны на виду и тогда была Сальская степь. Многие выверялось здесь и получало путевку в жизнь. Вся страна строила элеваторы «Гиганта», небывалые по тем временам многоквартирные дома для жителей Зернограда, цехи первого в здешних местах Сальского завода сельскохозяйственного машиностроения. Редкий номер центральных газет — «Правда», «Известий» — обходился без сообщений из этих хозяйств, а еще из коммун «Сеятель» и «Путь Ильича», из колхоза имени Буденного.

Первая маевка второй пятилетки. Праздник, организованный лучшей хлебоборобской бригадой коммуны «Путь Ильича», которая пригласила в гости весь район... А сейчас на дворе наш Первомай — третья маевка девятой пятилетки. И длинные ленты кумача над улицами Зернограда, и опробывают иллюминацию в «Гиганте», и весело пахнет краской в правлении колхоза «Путь Ильича»... На транспарантах — цифры новых обязательств. Планы немалые! В нынешнем году ростовские земледельцы хотят получить 20 — 21 центнер зерна с гектара, а валовой его сбор довести до 7 миллионов тонн. И здесь первый резерв — расширение пахотных земель. В одном только Сальском районе у пустоши, у степи отвоевано 12 тысяч гектаров...

Видел я вычеканенное на металле имя Марии Соболевой. И видел ее — Марию Ивановну Соболеву, первоостростельницу «Гиганта». Это она и ее товарищи забивали когда-то первый колышек в степи. И была она в «Гиганте» первой тракторист-

Колхоз имени XII съезда КПСС (бывшая коммуна «Сеятель»), с которым соревнуется колхоз «Путь Ильича».

кой. А теперь лучшему механизатору области и лучшему на донской земле женскому тракторному отряду вручается почетный приз имени Марии Соболевой...

На всю страну и далеко за ее пределами знамениты кони отменной буденновской породы, уборочные машины марки «Сальсельмаша». Зерно, овощи, мясо — вот что такое сегодня Сальская степь. А еще — рис! Обделил когда-то Дон-батюшка водой эти места, да люди не оставили их в беде — густая сеть голубых прожилок на карте степи, потому и прижился влаголюбивый рис, как прижились и щедро оплачивают людям за их заботу многие другие культуры.

...Везде побывать интересно, но моя дорога — в Шаблиевку, где была сделана когда-то «документальная радиопленка».

И вот собрался народ колхоза «Путь Ильича» — его границами очерчены ныне земли одной из первых в Сальской степи коммун и первого в этих местах колхоза. Собрался народ, молодой и старый. Слушают, вспоминают тех, кто записан был когда-то на этой пленке, говорят о сегодняшних делах.

Ближе всех к магнитофону усадили Ермолая Ивановича Чернитенко и Илью Андреевича Молчанова — ветеранов колхоза, коммунаров. Здесь же вожак колхозных комсомольцев, механик Николай Татарников, главный агроном Виктор Александрович Гладков, доярка Клавдия Павловна Хворост...

На первой звуковой странице — голоса тех, кто начинал когда-то это хозяйство, и тех, кто трудится в нем сегодня.

И живет в этих голосах биография колхоза. И биография страны.

Я. БЕЛИЦКИЙ,
специальный корреспондент Всесоюзного радио
Сальская степь

Ветераны Е. Чернитенко (слева) и И. Молчанов рассказывают ребятам историю колхоза «Путь Ильича».

Фото
В. Чумаченко

Для исполнителя главное — авторский текст. Во времена Листа в нотах было мало указаний (у Бетховена, Шопена, Листа). Сейчас их более чем достаточно.

Появились и «редакторы» старых сочинений. Нужно обращаться к первоначальному тексту и относиться к нему творчески: большое поле деятельности для пианиста.

● *Надо уметь мыслить полифонически, в перспективе, слышать все голоса музыкальной ткани, слушать и слышать каждую деталь. Каждая нота должна быть сыграна и соответствующим образом инструментована.*

● *Нарастание (динамическое) может совершаться небольшими волнами, маленькими «кусочками», отдельными «клочками», а может быть, и единым, сплошным (к последнему принципу я пришел недавно). Очень большой дробности динамических оттенков у меня, пожалуй, никогда не было, но все же в известной мере она существовала. Такое стремление к мелкой нюансировке, излишнее злоупотребление светотенью мне всегда неприятно.*

● *Удара нет. Есть падение, опускание руки. Слово «удар» принесли немцы, как народ более властный. Моцарт, Шопен, Лист, Рубинштейн получили французскую школу, жили в эпоху великих певцов, и они пели на фортепиано, они знали кантилену. А сейчас у нас нет великих певцов, мы перестали петь на фортепиано...*

● *Надо уметь слушать самого себя, уметь критически относиться к своей игре, контролировать свое туше и т. д. Это достигается не так просто. Многие только думают, что они правильно слушают себя. Можно слушать и не слышать. Тренировать ухо гораздо труднее, чем тренировать пальцы.*

Публикация доктора искусствоведения
Я. Мильштейна

...Шел 1921 год, мне было тринадцать лет, я кончал училище. Экзамены шли в старом гнесинском особняке на Собачьей площади. Председателем комиссии был А. Б. Гольденвейзер. Игумнов не принимал экзамены, его пригласили послушать, он сидел в зале. Шел июнь, было тепло, и Константин Николаевич был в светлом летнем костюме. Когда я отыграл, Гольденвейзер сказал: «Оборин, милости просим ко мне». Елена Фабриановна Гнесина заметила, что мои родители хотели, чтобы я занимался у Игумнова. Вышел небольшой конфуз...

Об Игумнове шла слава, как о замечательном педагоге. Его ученик Николай Орлов говорил мне: «Ты услышишь, какие он показывает интересные вещи». Игумнов замечательно показывал «Крейслериану» Шумана. Он очень любил «Крейслериану», но не любил «Карнавал». Так же прохладно он относился к «Венгерским рапсодиям» Листа, а любил другого Листа — мыслителя. Его он чтит. Дело в том, что Игумнов учился также

СТРАНИЦЫ КЛАССИКИ

МУЗЫКА ИГУМНОВА

*На шестой
звуковой странице
предваренное
вводным словом Л. Н. Оборина
игумновское исполнение
двух пьес Чайковского:
«Белые ночи» и «Страстное признание».*

и у Зилоти — двоюродного брата Рахманинова. Зилоти же учился у Николая Рубинштейна и самого Листа. Преемственность была весьма убедительной.

Словом, Игумнов решил со мной заниматься. Незадолго до начала занятий я услышал его в концерте. Он играл Шумана. Это было очень хорошо. Вообще Константин Николаевич был несколько робок, в иных случаях боялся публики, хотя

играл он тогда, даже в чисто техническом отношении, очень хорошо. Бывали у него и неудачи, но это оставалось как-то на втором плане. Он прежде всего музицировал. И вокруг него возникала атмосфера поэтического музицирования. Он владел совершенно пленительным звуком. Но этот звук был лишь средством передачи представлений и чувств, совершаемой им с отменным вкусом.

Игумнов был очень образован, прекрасно воспитан, в нем было сильно развито эстетическое начало, и он совершенно не выносил пианистов, которые, что называется, «лупили» по роялю. Но, с другой стороны, когда на первых порах я пытался копировать его по-ученически наввно, он слегка раздражался, произнес однажды: «Где тонко, там и рвется». И вот наступил первый мой урок у Константина Николаевича. Я принес сонату Бетховена — опус 81-а. Обычно он не любил прерывать приготовленное, но тут остановился на первой же фразе и кропотливо начал работать над ней.

Фраза оказалась нужным импульсом, и соната потихоньку «пошла». Мы просидели над ней два с половиной часа. Повидимому, он решил научить меня заниматься, потому что вообще разбирать «по винтикам» не любил, а думал о пьесе в целом.

Я сам преподаю уже сорок лет и хорошо знаю, что играть и преподавать — это разные вещи. Например, Рахманинов замечательно играл, а преподавать не умел. Столярский же, наоборот, преподавал хорошо, но не концертировал. Игумнов был великолепнейшим педагогом и выдающимся исполнителем. Вот некоторые его ученики, посмотрите: Николай Орлов, Исая Добровейн, Яков Флиер, Мария Гринберг — какие разные музыканты! Но игумновское у всех — и исполнительское и педагогическое.

Игумнов никогда не давил на сознание студента. Он как бы сначала вступал вместе с ним на узкую тропинку ученического представления о музыке, чтобы потом вывести питомца на верную творческую дорогу. Константин Николаевич в шутку утешал нас, говоря, что в мире был сперва хаос, а гармония воцарилась позже.

Он был очень высокий, угловатый, худой. Внешность его можно было назвать

некрасивой. Такого человека обычно называют «сухим». Но лицо — выразительное, глаза — пылливо в вас всматривающиеся. Вы вступали в общение с Игумновым, и сразу выяснялось, что это внимательный и заботливый человек.

Лучше всего он играл дома. Он жил на Сивцевом Вражке. В комнате стояли два рояля — «Бехштейн» и «Стенвей». Конечно, когда он выступал в консерватории, то имел более официальный вид. Там он выглядел каким-то чересчур негибким, как на портрете Корина. У него были большие руки, пальцы с толстыми подушечками на кончиках, как нарочно, приспособленные для его изумительного нескончаемого легато — связанного звучания, пения на рояле.

Пение на фортепьяно, сам принцип, идет, конечно, от предшественников Игумнова. Я знаю, что он слышал Антона Рубинштейна. Сам Игумнов рассказывал об этом, но, правда, честно признавался, что ничего не может вспомнить об игре Рубинштейна, за исключением удивитель-

ной красоты звука и легато. И Константин Николаевич объяснял нам, что надо добиваться техники и музыки тянущегося звука, стремиться петь на рояле.

Игумнов любил поговорить, но становился крайне щепетильным, когда речь шла о музыке. Тут он не любил красивых слов, не любил параллелей, которые иногда проводят между музыкой, живописью, литературой. Пожалуй, он был скуп на слова по поводу музыки, априори считая их в какой-то степени вульгарными. Как-то раз он с похвалой отозвался об исполнении «Франчески да Римини» Чайковского оркестром под управлением Артура Никиша. Его спросили: «А что же было хорошего в этом исполнении?» Игумнов даже обиделся: «Хорошо было — и все». Этого нельзя было, по-видимому, рассказать, как он полагал. Музыка есть музыка, то есть нечто такое, чего нельзя выразить словесно. И когда слушаешь его игру, теперь — увы! — уже в записи, невольно соглашаешься с ним.

Лев ОБОРИН,
народный артист СССР, профессор

ГОСТИ МОСКВЫ

На десятой звуковой странице представлены песенные традиции Чехословакии, Франции и ГДР.

Гелена Вондрачкова приехала к нам летом прошлого года, Серж Реджиани — осенью и Зигфрид Валенди — в зимние месяцы. Их подарок «Кругозору» — песен о любви.

Вондрачкова поет о девушке, которая спешит на свидание. Она назначила его любимому (поистине женская фантазия истончилась!) и мчаться с горы одино-

Зигфрид
Валенди
Гелена
Вондрачкова

Серж
Реджиани

лых санках — тобоггане. Далее все должно развиваться примерно так, как это было у Чехова в рассказе «Шуточка». Помните: «Я люблю вас, Наденька»...

Серж Реджиани прерывает счастливое течение событий грустным монологом, обращенным к двадцатилетней дочери, которая вот-вот покинет отчий дом.

А Зигфрид Валенди возирирует нас к мечте о любимой, которая, распахнув утром окно, заметила, привла, не героя песни и не ему улыбнулась, но его это мало заботит: он-то знает, кого она любит...

ГОЛУБАЯ ВЕРА

Лауреат премии имени Ленинского комсомола украинский поэт Виталий Коротич во второй раз выступил с книгой прозы. Действие повести «Наедине с собой» происходит в наши дни, но охватывает и сороковые годы. Главный герой поэт Виктор Печенюк — ровесник автора. Оба из того поколения, на детство которого выпала война.

Так просто было с ней и так празднично, что я боялся испугать Веру даже мыслью. Вера долго жила во мне — сперва нереальной мечтой — я таил ее, словно неизлечимую болезнь, а теперь мы стали с нею одним целым, соединились, как соединяются металлы в сплаве.

Четыре птицы легли надо мной — я сосчитал и запомнил их, запечатлел на доннышке зрачков, потому что птицы плыли в чистом утреннем небе, словно крылатые точки, маленькие облака, гонимые неслышным ветром; они колыхались надо мной, как персонажи мультипликаата, спроецированные на гигантский экран. И тогда мне захотелось увидеть Веру.

Она тоже смотрела на птиц — лежала лицом вверх, будто не было меня рядом, будто абсолютно ничего не соединяло нас, кроме птиц этих — четырех птиц, отдаляющихся с каждым ленивым взмахом крыльев. Наши головы лежали рядом прямо на голой доске — подушка сползла на светлый кафель балкона, упало одеяло, и мы лежали под небом, и никто, кроме четырех птиц, не мог видеть нас.

В комнате зазвенел телефон — это был зов, долетевший неведомо откуда, — я еще ничего не слышал, полный нашей счастливой уединенностью, и чувствовал плечом Веру как заново открытую частицу себя самого. Потом ощутил на плече влажные губы ее и сладко вытянул руку, задвигался, сгоняя с себя дремотное, ни с чем не сравнимое состояние утренней легкости, увидел над собой потолок, а сбоку — шиферную стенку, которая поднималась на метр с чем-то над полом балкона, пряча нас от всего мира, оберегая уединенность нашу, приобретающую вдруг совсем новый смысл. Между шиферным барьером и потолком синело небо.

Я постарел на год. Тарелки и бутылки со вчерашнего дня рождения стояли возле мойки. В ней лежали грудой бокалы, и чайные чашки и две кофейные — мы с Верой пили кофе.

Гости на дни рождения ко мне ходят, как им вздумается — самыми неожиданными компаниями. Я не приглашаю никого,

но это не останавливает визитеров, и, когда переваливает за полночь, надо открывать двери и окна, чтобы вышел голубой дым и вместо него в мой дом вошла бы тишина. Потом расходятся друзья — я очень люблю их и ценю, но только не всех разом.

Может, я потому придираюсь к ним, что в тот день пришла Вера — тоже без приглашения, неожиданно, тоже с лиловым букетом майской сирени, в ярко-голубом платье, и лицо у нее было словно голубоватое — осмугленное вечером, озаренное цветами, торжественное и прекрасное. Ребята прямо запрыгали. Василь начал петь для нее, и я знал, что во всем доме будут включать радио, услышав откуда-то новую Василеву песню, и никто не поймет, что песня эта не записывалась еще и не исполнялась. Билык пел для Веры, но ее не брали Василевы оперные чары.

День рождения был для нас одним из немногих предложений собраться вместе, но Вера пришла совсем не для того, чтобы смотреть на моих ребят. Могли бы это понять.

Поняли. Разошлись раньше, чем обычно, и не было накурено, как всегда, даже несколько бутылок остались недопитыми — хлопцам было грустно, Василь не пел на лестнице, все было чересчур солидно, никто даже не подмигнул мне, выходя.

На подоконнике лежали букеты сирени — лиловые и белые крестики соцветий осыпались под холодную батарею, густо пахло ночным садом, и я открыл окно в теплую, упругую от ветра ночь.

Я знал, что Вера не должна вот так, просто уйти от меня сегодня: она это тоже знала. Должна была знать.

Когда за последним из гостей захлопнулись двери, сквозняк пошевелил букеты на подоконнике, я стоял лицом к улице и слушал, как в кухне журчит вода, разбиваясь о тарелки и рюмки: Вера взялась вымыть посуду — я ничего не сказал ей — сама отыскала полотенце и теперь ловко действовала им.

Мы встречались уже почти год после знакомства в Гриневке. Мы встречались невероятно давно, но Вера еще ни разу не была у меня дома и никогда не мыла моей посуды. Так уж оно сложилось, что я мог пойти с Верой в кино или ресторан, потом проводить ее домой, не заходя к ним, — мы недолго стояли возле подъезда, интригуя дворовых кумушек, а после расходились, и я словно отрывался от Веры каждый раз, словно душа моя прирастала, как тень, к ней, а потом я отнимал душу, и каждый раз это бывало нелегко.

С первой встречи нашей на площади в новой Гриневке я запомнил Веру Годык, а потом полюбил ее и постоянно боялся — особым, сладким щемящим страхом, который знаком ребенку, взявшему впервые в руки дорогую хрустальную вазу и сжимающему лучистую прозрачность вспотевшими ладонями. Я сразу принял Веру в дни мои, но не позволял ей приближаться вплотную — тут было что-то от инстинкта самосохранения, потому что я знал: все у нас не на шутку, а суетливости мы одинаково боялись.

«Суетливым нищим не подают» — я с незапамятных времен запомнил эти слова, потому что всегда чувствовал себя человеком, по крохам подбирающим ласку, воробьем на мостовой, который ищет корм под колесами и под ногами. Кроме того, мне никогда еще не удавалось быть таким рассудительным, каким хотелось. Разве что с Верой. Впервые в жизни.

Это был безрадостный год. Мне не писалось, я ощущал злое сопротивление и усталость мысли, а теперь я неожиданно для самого себя полюбил Веру и был растерянным и грустным. Любовь эта не давала мне ни счастья, ни уверенности в себе. Стоя сейчас возле окна, слушая, как постукивают тарелки об эмалированную мойку, я старался представить мокрые Верины руки, представлял, но боялся войти в кухню, чтобы проверить, действительно ли они такие. Руки Веры Годык должны были походить на руки ее тетки Людмилы Годык — героини Отечественной войны из Гриневки, в тех должно было быть что-то материнское, иным я и не представлял их.

Но когда я думал о сожженном в войну Верином селе Гриневке, то видел бронзовые и гранитные — неживые — пальцы скульптур... На месте сожженной хаты Вериной тетки белела мемориальная стела: тут подпольщики села Гриневки дали первый бой оккупантам.

Исчезла Людмила Годык — здесь все сгорело, и пеплом поднялись в небо люди, хаты, сады. В республиканском архиве сохраняется приказ оберштурмфюрера Люнце об уничтожении села, где было в такой-то и такой-то хатах убито и ранено столько-то солдат армии фюрера.

Есть рапорт о выполнении приказа...

Вера существовала отдельно от подвига своих родных, даже отдельно от отца, который любил говорить о подвигах и подвижничестве. Я принимал ее обособленно — как себя самого. Жаль, что я не знал Веру до того, как начал писать военную свою поэму. И рук ее раньше не видел. Вечных рук этих.

Я запомнил руки женщин, моющих посуду, еще с тех времен, когда была война и я стоял перед низкими окнами немецкой офицерской столовой.

Женщины мыли посуду и не оглядывались. Мне запомнились красные от горячей воды, быстрые их руки, а еще запомнилась длинная лохань, где в грязной, блестящей от жира воде плавал раскисший кусок хлеба. Я думал тогда, что женщины, моющие посуду, не могут быть голодными, и долго еще человеческая сытость отождествлялась у меня с красными руками судомоек.

Прокатил запоздалый троллейбус с темными окнами, и в сумрачном свете уличных фонарей стекла его взблеснули, будто хрустальные ветрила сказочного парусника. Иллюзия усиливалась и тем, что черное полотно асфальта казалось речным водоворотом — неосвещенное и загадочное, оно отвердевало внизу, отдавая ночи дневное тепло своей размягченности. Плеск воды в кухне накладывался на образ черной речки под окнами, и троллейбус исчезал в ней, дрожа серебряными квадратами окон.

Я понял, что эта ночь кончится очень скоро, поделенная между Верой и мной, — удивительная ночь, когда весь город, подгримированный сажей, перевоплощался до утра в сказочное королевство, и главная ложа задуманного действия была в комнате у меня — в парке через дорогу покачивались ветви, словно там переставляли деревья, как декорации в театре перед премьерой.

Положив ладони на раму, я стоял, и тусклым бакеном светился передо мной светофор, подмигивая разноцветными глазами. Вода в кухне уже не шумела, я подождал немного и вошел туда. Вера с двумя чашечками для кофе стояла, задумавшись, а вокруг нее поблескивали тарелки и рюмки. Голубая Вера, перепоясанная белым полотенцем, стояла передо мной, а у нее за спиной fyrкал зеленый кофейник, где — по запаху было слышно — заваривался свежий, только что смолотый, прямо-таки пиратский кофе.

И я подумал, что сойду с ума, если все кончится на этой ночи.

— Вера, — сказал я, — давай поженимся. Немедленно. Пока не началась новая мировая война...

— Успеем.

Вера тихо улыбнулась и поцеловала меня.

Авторизованный перевод с украинского И. Сергеевой

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Я хорошо помню, как в юности впервые услышал песню из картины «Истребители», помню те кинокадры, в которых молодой и красивый Марк Бернес, сидя за роялем, напевает грустно: «В далекий край товарищ улетает...» Потом лента сошла с экрана, стала достоянием Госфильмофонда, а песня продолжала жить, и уже совсем недавно мне довелось услышать, как поют ее старые, седые пилоты, вспоминающие свою боевую молодость: «Пройдет товарищ все бои и войны, не зная сна, не зная тишины...»

Помню я фильм «Остров сокровищ» и песню о раненом друге, ставшую сразу же широко известной: «Я на подвиг тебя провожала...»

Помню картину «Большая жизнь», для которой была написана песня о донецких просторах, о курганах, высящихся в степи, о пареньке, впервые спустившемся в забой. Сколько лет минуло с тех пор, давно стал взрослым тот паренек, а песня «Спят курганы темные» и поныне любима в Донбассе, и теплым вечером, душным от цветения акаций, можно встретиться с ней в горняцком поселке, как со старым и верным другом. Да что там говорить, она и сейчас остается одной из лучших песен, посвященных шахтерскому труду

ПЕСНЕЙ

Невозможно представить себе фильм «Два бойца» без песни «Темная ночь», навсегда связанной с Марком Бернесом, сыгравшим в картине роль отчаянного и неунывающего одессита. Вот в землянке поет он песню, в которой и боль, и тревога за любимых людей, и печаль солдатской разлуки, и ощущение неуютной фронтовой ночи, изредка освещаемой вспышками ракет, и вера в нашу победу. Людям моего поколения эта песня особенно близка.

А когда мы вспоминаем, например, кинокартину «Разные судьбы», нам сразу же приходит на память прощальный школьный вальс, звучащий рано на рассвете над пробуждающейся Москвой...

Все эти песни написаны композитором Никитой Богословским. Созданные в разные годы, различные по настроению и содержанию, они схожи в чем-то одном, общем, что роднит их. Это их лирический характер, мягкость красок, негромкость интонаций, задушевность мелодий. Не случайно многие песни Богословского так охотно исполняли артисты, «поющие душой», — Леонид Утесов и Марк Бернес.

Никита Богословский рано увлекся музыкой. А когда ему исполнилось пятнадцать, на сцене Ленинградского театра оперетты была поставлена его первая музыкальная комедия «Как ее зовут». С этой постановкой связана одна забавная,

Фото Л. Лазарева

почти анекдотическая история: театральные билетеры долго не пускали на премьеру какого-то мальчика, объясняя ему, что посещение вечерних спектаклей несовершеннолетними строго воспрещено. Они не знали, что мальчик этот — автор премьеры, идущей в их театре.

Богословский окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции, его учителями были Глазунов, Штейнберг, Рязанов. Композитор успешно выступает в самых разнообразных жанрах. За годы своей творческой работы он написал музыку более чем к ста кинофильмам — художественным, документальным, научно-популярным, мультипликационным. Здесь и такие серьезные историко-революционные ленты, как «Александр Пархоменко» или «Олеко Дундич», и детские приключенческие фильмы, как «Пятнадцатилетний капитан», и комедийные короткометражки, как «Пес Барбос»...

Глубоким пониманием значения музыки в решении спектакля отмечена и театральная работа Богословского. Спектакли «Факир на час», «Чертова мельница», «Божественная комедия», «Ноев ковчег» живут в слиянии с музыкой. Сам ритм этих постановок продиктован ритмом музыкальных номеров.

Следовало бы особо отметить многолетнюю творческую дружбу Богословского с французскими композиторами — Фи-

О ВРЕМЕНИ

липпом Жераром, Френсисом Лемарком, Ги Беаром. Их взаимопонимание, их стремление вести доверительный разговор со своими слушателями помогли им создать вместе целый ряд песен, которые исполняются в Париже и Москве, на французском и русском, помогая укреплению дружеских связей между двумя народами.

И еще об одной черте творчества Никиты Богословского. С годами я стал особенно дорожить в искусстве юмором, улыбкой, умением писать веселые произведения, создавать хорошее настроение. Это так необходимо людям в наш строгий и стремительный век. Неподдельным живым юмором искрится его симфоническая повесть о солдате Василии Теркине — переложенная на язык музыки прославленная фронтовая поэма Твардовского. Не только детям, но и взрослым доставляет удовольствие озорная и задорная, остроумная, смеющаяся музыка его мультипликаций.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

На восьмой звуковой странице народный артист СССР Борис Андреев и композитор Филипп Жерар представляют песни Никиты Богословского и среди них новую — «Антенна», написанную вместе с Ф. Жераром на слова Е. Аграновича (исполняет Ю. Слободкин).

МУЗЫКА КИНО

По просьбам читателей

Маленький Тони — так звучит по-английски имя этого еще недавно популярного эстрадного певца. На самом деле он имеет к Англии лишь косвенное отношение.

Литл Тони — итальянец, родился в Риме, и зовут его Антонио Чаччи. А дебютировал он действительно в Лондоне в 1956 году с песнями Ф. Домино и Э. Пресли, но успеха так и не добился.

Два года спустя он вернулся в Италию и к 1960 году стал третьим по популярности певцом, после Че-

БЕРСАЛЬЕР
ТОНИ

лентано и Даллара, ни по стилю исполнения, ни по репертуару ничуть от них не отличаясь. В 1961 году он выступил на фестивале в Сан-Ремо, правда, в паре с Челентано, в лучах успеха которого и занял второе место. После этого Литл Тони снова уезжает в Англию...

Летом 1965 года он вернулся домой, уже озаренный славой совместных выступлений со «звездами» лондонской эстрады. Он перенял их стиль исполнения, привнес в него, впрочем, нечто свое, а не сводя все к простому копированию. И первая же пластинка Литл Тони, выпущенная по возвращении, разошлась тиражом в полмиллиона экзemplаров.

Весной следующего года Тони показывает в Сан-Ремо лучшую свою песню — «Безудное сердце», которая не попала в финал, отчего вокруг жюри и всего фестиваля разразился грандиозный скандал. Так Литл Тони достиг вершины своей славы, одновременно снявшись в двух фильмах: «Каникулы на Коста-Смералда» и «Женщины и берсальеры». Последний прошел на наших экранах.

Л. ГРИГОРЬЕВ

На одиннадцатой звуковой странице — три песни в исполнении итальянского певца:

«Люди умеют жить»,
«Те, кто говорит
мне о тебе»
и «Ветряная мельница».

слушайте

в

номере

5 (110) май 1973
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. **Переключка пятилеток.** Ростовские колхозники комментируют радиодокументы, записанные в мае 1933 года.
2. **На Курской дуге.** Вспоминает Иван Черников.
3. **Голос Вадима Синявского.** Фрагменты репортажей с футбольных встреч, с фронта, с Красной площади.
4. **Оно заговорило.** Народная артистка РСФСР Елена Кузьмина рассказывает о том, как рождалось звуковое кино.
5. **Принимай как члена семьи.** Литератор Михаил Зотов о птицах, которые живут дома.
6. **Играет Константин Игумнов.**
7. **Дирижирует Владимир Федосеев.**
8. **Песни Никиты Богословского.**
9. **Поет Михаил Ножкин:** «Я так давно не видел маму», «Сожаление».
10. **Гости из Чехословакии, Франции, ГДР:** Гелена Вондрачкова («Без пяти пять» В. Гамалии), Серж Реджиани («Моя дочь» Р. Бернара), Зигфрид Валенди («Ты — моя мечта» А. Баузе).
11. **Литл Тони (Италия)** на экране и эстраде.
12. **Юкари Ито (Япония):** «Никто не знает», «Разговор с мизинцем».

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки:
«В мире профессий».
Метростройцы».
Рисунок художника
Н. Кошкина

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции
Москва, 113326,
Пятницкая, 25
Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
28-III 1973 г.
Б 05107. Подп. к печ.
11/IV. 73. Формат
60x84 1/12.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 408. Цена 1 руб.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Доном радиовещания
и звукозаписи.

Ордена Ленина и
ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда» имени
В. И. Ленина
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Всегда считалось, что русский народный оркестр имеет один тембр, одну краску, хотя у каждого инструмента своя специфика. Домры звучат мягко, лирически, балалайка «скомо-рошничает», баяны со своим сильным звуком буквально «торчат» из оркестра. Поэтому ровное звучание получить нелегко.

И еще. Высшее высказывание в музыке — пение. Русские же народные инструменты — и домра, и балалайка, и гусли — инструменты шипковые. «Поющим» можно считать только баян...

И вот мы стали добиваться поющего звука. Одновременно искали возможности увеличения контраста между тихим и громким звучанием.

В сравнении с оркестром симфоническим у нас этот контраст много беднее. В симфоническом можно добиться звучания от еле слышного пиано до мощного форте — тут помогут и ударные и медь.

Драматический актер потрясает зрителя не силой, но насыщенностью звука. Даже сказанное шепотом может прозвучать сильно и значительно.

Значит, нам надо было направлять поиски в область эмоционального звучания. Это был долгий, многолетний труд, который продолжается и сейчас.

СИМФОНИЯ НА БАЯНАХ

Лучший репертуар для народного оркестра — специально написанные произведения. В них наиболее выгодно будут подчеркнуты его лучшие стороны. Но классика не только прекрасная музыка, а и высокая школа. И мы исполняем классические произведения, перекладывая их для своего оркестра. Это относится к сочинениям, использующим русские народные песни или очень русским по духу. Например, «Богатырские воро-

та» Мусоргского из «Картинок с выставки». Эта фортепьянная пьеса фольклорна полна русской песенности. Наш оркестр своим звучанием добавляет к ней именно народности.

И западную классику мы позволяем себе играть, но ту, в которой очевидны народные элементы, например, «Немецкие танцы» Моцарта. В исполнении оркестром русских народных инструментов симфонических произведений есть опасность: их можно обеднить. Это подобно игре на баяне органических пьес Баха или рапсодий Листа — на балалайке.

Я сам многие годы был баянистом, участвовал в международных конкурсах, фестивалях. И, разумеется, играл Баха. Но считаю это нужным лишь для знакомства с музыкой Баха, с принципами баховского сопоставления, так как никогда баян не заменит органного звучания. Надо «вынимать» из инструмента то, что заложено в нем самом, что свойственно ему одному.

ГУСЛИ И СВИРЕЛИ ЗА ОКЕАНОМ

Еще студентом Института Гнесиных я в составе молодежной делегации был в Америке. Меня и тогда интересовало, что знают там о русских народных инструментах, песнях. Оказалось, знания самые поверхностные. И, конечно, трудно было игрой на баяне убедить американцев, что русское народное музыкальное творчество бесконечно богато и разнообразно.

Но вот в прошлом году с оркестром имени Ойипова, Людмилой Зыкиной, Тамарой Сорокиной и Юрием Гуляевым мы гастролировали по Соединенным Штатам. Импресарио фирмы «Колумбия» сначала беспокоился, как пойдут концерты, ибо существовало мнение, что из России надо везти только

ПАЛИТРА НАРОДНОГО ОРКЕСТРА

Рассказывает Владимир ФЕДОСЕЕВ,
дирижер оркестра народных инструментов,
лауреат премии имени Глинки, заслуженный артист РСФСР

7

пляски и цирк. Уже первое выступление отmeldo все опасения. Концерты проходили под гром аплодисментов. И уж, конечно, был аншлаг.

**И ОПЕРА, И СИМФОНИЯ,
И ПЕСНЯ**

Сергей Яковлевич Лемешев говорит, что исполнение русских народных песен помогало ему даже в опере. Дирижер, на мой взгляд, также не должен замыкаться в рамках одного жанра.

То, что я дирижирую симфоническим оркестром (в 1971 году я окончил аспирантуру Московской консерватории по оперно-симфоническому дирижированию), провел несколько спектаклей в московском Большом театре и ленинградском имени Кирова, участвую в эстрадных концертах, для моего дирижерского кругозора очень важно. И многое из того, что черпаю в других жанрах, я пытаюсь перенести в звучание народного оркестра.

О СЕБЕ

Родился я в Ленинграде. Жили мы на окраине города, на Охте, недалеко от отцовского завода. Отец мой — рабочий. Мама — белошвейка.

Какая была в доме музыка? Отец играл на гармошке, потом купил баян. Не могу сказать, чтобы он играл хорошо, но был большим энтузиастом. А мама пела и русские песни и городской романс.

Так что в атмосфере русской народной песни я жил с детства.

На седьмой звуковой странице в исполнении оркестра народных инструментов пьеса П. Чайковского «Осенняя песня», испанская народная песня «Малагузия» (солоистка В. Левко) и «Ярмарочные потешки» В. Бибераина.

ЮКАРИ ИТО

12

ВОСТАТА ПЛАНЕТЫ

Япония

Трудно найти в Японии человека, который бы не знал этой певицы. Ее любят за теплый, красивый голос и задумчивые песни, за то, что, несмотря на успех, она остается все такой же простой, скромной и мягкой.

Молодая певица не гордится за собой, за дешевой популярностью. Идет ли речь о выборе репертуара, одежде, манере держаться на сцене — она всегда строга к себе. Весь облик Юкари Ито настолько не типичен для японской эстрады с кричащими туалетами «звезд» и полными трюизма песенками, что поклонники передко в шутку называют свою любимицу «дамой из учительского совета школы».

Юкари слишком рано увидела свет рампы, узнала горькую долю вундеркинда, «обреченного» на успех. Родилась она в семье безвестного музыканта. Отец играл на контрабасе в небольшом эстрадном оркестре. Отправившись на репетиции, он часто брал с собой маленькую дочь. Сидя где-нибудь в стороне, девочка развлекалась, как могла: подпевала солистам, подражала им. Делала это очень музыкально и настолько забавно, что поведомле вызывала улыбки взрослых. Ей было всего шесть лет, когда она впервые вышла на сцену.

Детству пришел конец. Вместо веселых игр и дворовых проказ в жизни ребенка вошли репетиции, выступления в концертах, телепередачи, запись на грампластинки, киноматогрaф. Сценический стаж ее велик — Юкари выступает уже почти два десятка лет.

Шесть лет назад она исполнила небольшую сценку-пастораль — «Разговор с собственным мишицем» композитора Судзюки Дзюи. Номер стал ее триумфом, принес славу. Тираж пластинок с этой песней составил более миллиона экземпляров. Затем последовали новые записи: «Капли любви», «Твой шаг», «Любовь боевой девочки». Это, так сказать, кульминационные пункты ее программы. Теперь к ним прибавилась написанная композитором Цуцуми Кэюи песенка «Никто не знает». Ею и начинается наша двенадцатая звуковая странница.

Е. ОКСЮКЕВИЧ

Цена 1 руб.